

Он пытался сбежать уже дважды, но каждый раз, стоило ему отойти на небольшое расстояние, его настигали телохранители и возвращали обратно.

Он вел себя так, словно был на грани безумия.

Однако самому Се Гуаньцзюю такое положение дел было даже на руку. Что бы он ни покупал в торговом центре, ему не приходилось тратить ни гроша — черная карта господина Фэн Бэя была в его полном распоряжении. Подумать только, как же это приятно! Впрочем, Се Гуаньцзюй понимал, что не сможет забрать эти вещи с собой в следующий мир, поэтому просто глазел по сторонам и ничего не покупал.

В глазах телохранителей, докладывавших обо всем Фэн Бэю, это выглядело так, будто молодой господин Хэ утратил всякий интерес к жизни и с самого начала пребывал в подавленном настроении.

Однажды, когда Се Гуаньцзюй попросился в туалет в торговом центре, телохранители остались ждать снаружи. Он вошел в кабинку, а затем вышел к раковине. Шум льющейся воды заглушил шаги человека, выскользнувшего из соседней кабинки. Се Гуаньцзюй инстинктивно поднял голову и увидел за своей спиной фигуру.

Чжоу Цзюнь в черной бейсболке и черной ватной куртке, замаскированный до неузнаваемости, приложил палец к губам, призывая к тишине. Он выглядел гораздо изможденнее, чем в прошлую их встречу: щеки ввалились, в глазах проступили красные прожилки, но стоило ему увидеть Се Гуаньцзюя, как в этих глазах на мгновение вспыхнул яркий свет.

В голове у Се Гуаньцзюя пронеслась лишь одна мысль: — Черт возьми, откуда он вообще взялся?!

502: — ...!

Глава 19. Русалка

Видя, что Се Гуаньцзюй долго не выходит, двое телохранителей снаружи забеспокоились. Они подошли к двери и громко позвали:

— Молодой господин Хэ, вы закончили? Вам нужна помощь?

Изнутри тут же послышался шум льющейся воды, и голос Се Гуаньцзюя ответил:

— Живот прихватило, чего вы суетитесь? Подождите еще немного.

Телохранители переглянулись. Убедившись, что голос действительно принадлежит молодому господину Хэ, они успокоились.

Се Гуаньцзюй позволил Чжоу Цзюню затащить себя вглубь кабинки, но это было тупиком. Кроме как прорываться прямо на глазах у охраны, другого способа выбраться не было.

— Ты... — Се Гуаньцзюй смотрел на Чжоу Цзюня, его лицо выражало растерянность, он не знал, что сказать.

Чжоу Цзюнь тоже пристально смотрел на него, жадно изучая взглядом каждую черточку, словно хотел заключить его в объятия, но в последний момент сдержался. Чжоу Цзюнь понизил голос и прошептал ему на ухо:

— Они скоро заподозрят неладное, у меня мало времени. Постарайся найти свой паспорт и удостоверение личности, хорошо? Через три дня я все подготовлю, приеду за тобой, и мы сбежим.

Се Гуаньцзюй замер:

— Куда?

— Куда угодно, лишь бы ты был согласен, — медленно произнес Чжоу Цзюнь, не сводя с него глаз. На сердце у него лежал тяжелый камень: если этот человек хоть на миг выкажет нежелание, он будет окончательно раздавлен.

Но стоящий перед ним человек прикусил губу, казалось, он был в смятении, но в конце концов слегка кивнул.

502: — Брат Се, ты правда собираешься сбежать с Чжоу Цзюнем?!

Се Гуаньцзюй: — Знаешь, нет ничего больнее для мужчины, чем получить от него рога. В этот раз я нанесу сокрушительный удар, уровень душевной боли Фэн Бэя должен достичь максимума. :)

— Ты уверен? Ты правда, на этот раз действительно выбираешь меня? — голос Чжоу Цзюня мгновенно охрип.

Се Гуаньцзюй нерешительно взглянул на него и тихо ответил:

— Те истории, что ты рассказывал о выставках... у меня остались смутные воспоминания. Мы определенно были знакомы раньше, и ты кажешься мне близким человеком. А что до Фэн Бэя, у меня, кажется, не осталось с ним ни одного приятного воспоминания... Поэтому я верю тебе.

В конце концов, после того как он потерял память, его родная мать так и не пришла, а родной отец приехал лишь для того, чтобы просить за другого. Пожалуй, в этом мире только этот человек заботится о нем.

— ...Спасибо тебе, Гуанъюнь, — глухо произнес Чжоу Цзюнь, и его глаза подозрительно блеснули.

Никто не знал, что этот момент стал самым счастливым в его жизни, он был готов обезуметь от восторга. Он жгучим взглядом впился в человека перед собой, его сердце бешено колотилось. Возможно, небеса наконец услышали его молитвы и решили проявить к нему милость.

Се Гуаньцзюй вернулся с телохранителями домой, но теперь у него появилась тайна. Он знал, что через три дня найдет повод улизнуть, Чжоу Цзюнь будет ждать его, и они навсегда вырвутся из-под контроля Фэн Бэй. Если все получится, он вернет себе свою жизнь, возможно, восстановит память или начнет все с чистого листа. Главное — больше никогда не видеть Фэн Бэй.

Вернувшись домой, Се Гуаньцзюй, как обычно, безучастно смотрел телевизор, но теперь он то и дело поднимался и подходил к балкону, проверяя, не вернулся ли Фэн Бэй. Ассистенту, приносившему еду, показалось, что отношение Се Гуаньцзюя заметно изменилось. Он был почти польщен такой переменной ради господина Фэна.

502: — Брат Се, я знаю, где Фэн Бэй прячет паспорт и удостоверение, и знаю пароль от сейфа. Тебе не нужно бояться, что он внезапно вернется.

Се Гуаньцзюй: — Я не боюсь, я с нетерпением жду. :)

502: — (○○○)

Се Гуаньцзюй: — Сейчас я должен выглядеть неуверенно, опасаясь, что наш с Чжоу Цзюнем план раскроют, поэтому мое отношение к Фэн Бэй должно быть чуть иным, чем раньше. Это можно назвать нежностью перед казнью.

502: — ...

Фэн Бэй, разумеется, услышал от ассистента о переменах в поведении Се Гуаньцзюя. Это выбило его из колеи, он постоянно отвлекался на совещании директоров и в итоге поспешно его закончил.

В тот день Фэн Бэй после делового ужина, выпив лишнего, машинально вернулся туда, где был Се Гуаньцзюй. У него была отличная голова, он никогда не напивался до беспамятства, но сейчас ему хотелось забыться, чтобы хотя бы в дурмане приблизиться к этому человеку. Он открыл дверь и застыл в прихожей, пытаясь снять обувь, но никак не мог справиться — перед глазами все плыло.

Се Гуаньцзюй наблюдал за ним издалека, закусил губу и сделал несколько шагов навстречу.

Фэн Бэй стоял, пошатываясь, галстук давно исчез, от него разило спиртным, волосы на лбу растрепались — от привычного образа всемогущего господина Фэна не осталось и следа. Когда он начал заваливаться вперед, Се Гуаньцзюй в испуге подался вперед и как раз успел подхватить его.

Фэн Бэй закрыл глаза, крепко обхватив знакомого человека. Он решил, что это сон, поэтому, отбросив гордость и достоинство, потерся лицом о пижаму Се Гуаньцзюя и с горечью прошептал:

— Так скучал по тебе...

Се Гуаньцзюй напрягся, отбросил прочь лишние мысли и, с трудом подхватив Фэн Бэя под руки, потащил его в спальню.

Ноги Фэн Бэя волочились по полу, поначалу он был в полузабытьи. Но когда Се Гуаньцзюй с усилием толкнул его на кровать, он услышал тихое, знакомое дыхание человека за спиной и мгновенно протрезвел.

Он приоткрыл глаза, все его тело окаменело, он инстинктивно уставился на руки, которые только что держали его под мышками.

Этот человек... заботится о нем?

Боялся, что он, пьяный, упадет в прихожей, поэтому своими травмированными руками изо всех сил тащил его к кровати.

Он думал, что этот человек больше никогда не будет к нему добр, никогда не проявит заботы. Фэн Бэй с самого рождения не испытывал ничего подобного — глаза защипало, а в носу предательски закололо.

Что ему делать с этим человеком?

Се Гуаньцзюй с трудом уложил Фэн Бэя и уже собрался уходить, как вдруг его схватили за запястье и с силой притянули к себе. От резкого рывка Се Гуаньцзюй упал назад, оказавшись в объятиях Фэн Бэя. Головокружение испугало его, и он попытался оттолкнуть того, кто его обнимал.

Но Фэн Бэй держал его крепко, пытаясь даже прижать к себе всем телом.

Фэн Бэй крепко зажмурился, его дыхание стало ровным, казалось, он уснул. Это было лишь подсознательное движение — он обнимал его, как подушку.

— Отпусти! — прошептал Се Гуаньцзюй и слегка похлопал Фэн Бэя по лицу.

Но тот, похоже, был пьян в стельку, его сила была неестественной: руки намертво сковали Се Гуаньцзюя, а нога придавила его к кровати. Стоило Се Гуаньцзюю дернуться, как кое-что в паху у Фэн Бэя напряглось и твердо уперлось ему в живот.

Се Гуаньцзюй тут же замер.

Фэн Бэй пробормотал:

— Я не пьян...

Се Гуаньцзюя переполняла ярость:

— Еще как пьян! Отпусти меня!

Фэн Бэй, словно превратившись в бесформенную массу, с еще большей силой прижал его к себе, притиснулся красивым лицом к его щеке, словно к подушке, потерся носом о мочку уха, а затем уткнулся в шею и тихо захрапел.

Уснул? Се Гуаньцзюй не мог пошевелиться, он был в ярости, но не мог вырваться из объятий Фэн Бэя.

Он смотрел в потолок, бледный и напряженный, а спустя некоторое время, не в силах больше бороться с усталостью, тоже провалился в сон.

Как только он уснул, легкий храп Фэн Бэя прекратился. Он открыл глаза, и в его темных зрачках отразилась сложная, неразрешимая глубина: безумие от любви, которую невозможно получить, и болезненное удовлетворение.

Если бы это было возможно, он хотел бы, чтобы этот человек больше никогда не просыпался, и чтобы сам он уснул вместе с ним. Он мог бы обнимать его, не позволяя никому видеть его и никому его отнять.

Тогда этот человек больше никогда не смотрел бы на него с холодным безразличием и не говорил бы, что не помнит его. Не твердил бы постоянно о Чжоу Цзюне, игнорируя его собственную боль и отчаяние. Этот человек был бы таким, как раньше: видел бы только его и слышал бы только его.

Закреть его на замок, чтобы он принадлежал только ему одному. Этого было бы достаточно.

Было бы достаточно, чтобы все стало как раньше.

На следующее утро Се Гуаньцзюй проснулся в объятиях Фэн Бэя. Едва открыв глаза, он увидел перед собой лицо Фэн Бэя — высокий красивый нос был совсем близко. Он заметил, что Фэн Бэй сильно изменился по сравнению с прежним высокомерным и дерзким собой: теперь на его лице читалась печаль, а в глазах больше не было прежней гордости и уверенности, они напоминали запыленное стекло, полное грусти, темное и бездонное.

Фэн Бэй смотрел на него, не двигаясь. Неизвестно, как долго он так лежал. В его глазах светилась нежность.

Не успел Се Гуаньцзюй отреагировать, как Фэн Бэй подался вперед и оставил на его лбу легкий, как перышко, поцелуй, а затем поспешно отстранился и встал с кровати.

— Завтрак готов, ты, должно быть, голоден. Выходи.

— Ты... — Се Гуаньцзюй нахмурился, собираясь сказать что-то резкое, но Фэн Бэй уже схватил свою рубашку и вышел из комнаты. Неизвестно, не давал ли он ему возможности отказать или сам боялся услышать отказ.

Се Гуаньцзюй остался в комнате один, глядя на медленно колышущиеся занавески. Утренний свет, проникавший сквозь них, создавал иллюзию тишины и покоя.

Се Гуаньцзюй в тапочках вышел в гостиную и увидел, что Фэн Бэй в фартуке расставляет на столе тарелки с кашей и супом. Он тихо сказал:

— Кое-что я купил, а кашу сварил сам с утра. Не знаю, понравится ли тебе, попробуй?

На его губах играла нежная улыбка, но тело было напряжено, словно он ждал, что Се Гуаньцзюй сейчас развернется и уйдет.

Се Гуаньцзюй посмотрел на белую кашу, помолчал и, не проронив ни слова, сел за стол.

В сердце Фэн Бэя что-то вспыхнуло из пепла. Он пододвинул стул для Се Гуаньцзюя, наблюдая, как тот берет левой рукой ложку и медленно ест.

— Ну как? — Фэн Бэй посмотрел на шрам на правой руке Се Гуаньцзюя, в его глазах мелькнула боль, сердце сжалось. Он сел рядом, но не стал есть, а лишь смотрел на него.

Се Гуаньцзюй опустил голову и продолжал медленно есть, не говоря ни «хорошо», ни «плохо». Он ел механически, словно только ради того, чтобы утолить голод, отгородившись от Фэн Бэя и всего мира.

Но даже этого Фэн Бэю было достаточно.

Сидеть вот так тихо за одним столом, смотреть на него — это уже было счастьем.

Когда Се Гуаньцзюй закончил, он, казалось, хотел убрать посуду, но Фэн Бэй поспешно остановил его:

— Я сам.

Он убрал тарелки и пошел на кухню мыть посуду.

В квартире было тихо. Утром Фэн Бэй включил старый МРЗ-плеер Се Гуаньцзюя, где, помимо его записей, были старые фортепианные мелодии, которые он, должно быть, любил. Нежная музыка, подхваченная ветром из окна, заполнила весь дом.

Се Гуаньцзюй постоял на месте, а затем, как обычно, с бесстрастным лицом прошел к дивану и включил новости.

Перед тем как войти на кухню, Фэн Бэй взглянул на Се Гуаньцзюя, его губы непроизвольно дрогнули в улыбке. Одного этого простого завтрака ему было достаточно для счастья.

Если бы это было возможно, он хотел бы, чтобы так продолжалось вечно.

Не страшно, что этот человек его не помнит. Он будет стараться — так же, как когда-то этот человек изо всех сил пробивался в его сердце, — медленно открывать его закрытую душу.

Фэн Бэй думал об этом, его лицо разгладилось. Впервые в жизни он мыл посуду для кого-то другого. Включив воду и глядя, как тарелки становятся чистыми, он чувствовал удовлетворение.

Затем он помыл фрукты, которые больше всего любил Се Гуаньцзюй, сложил их в вазу и собирался выйти, чтобы поставить ее на журнальный столик, как вдруг услышал легкий звук в прихожей.

Внезапно его осенило. Он бросил тарелку и бросился из кухни.

Он как раз увидел, как захлопнулась входная дверь, а сейф в спальне, где хранились паспорт и удостоверение, был взломан.

Оказывается, вчерашняя забота, похожая на подачку, была лишь игрой.

Он-то думал, что совместный завтрак означает потепление в их отношениях. Он даже не хотел, чтобы телохранители и ассистент мешали им. Это он проявил беспечность. Он не то чтобы не думал, что Чжоу Цзюнь будет крутиться рядом, но он не мог представить, что сам Се Гуаньцзюй будет так отчаянно пытаться уйти!

Неужели он так ненавидит его? Неужели не даст ни единого шанса?

Фэн Бэй стоял в прихожей, чувствуя, как его мир распадается на куски. Он зажмурился, а открыв глаза, схватил пальто и бросился в погоню, в его взгляде читалась ярость.

Се Гуаньцзюй прятался на подземной парковке, когда Чжоу Цзюнь открыл дверь машины, приглашая его сесть. Он услышал в голове голос 502: — Уровень душевной боли объекта — 92.

Глава 20. Русалка

Суд над Хэ Жофэном должен был состояться через три дня.

Все это время он ждал, что отец Хэ внесет за него залог, но прошло столько времени, а он не видел даже приличного адвоката. Отец Хэ нанял кого-то, но все они были малоизвестными. Сначала он думал, что если посидит здесь пару дней и будет молчать на допросах, отец Хэ вытащит его в целости и сохранности...

Но кто бы мог подумать, что о нем словно забудут. Только за день до суда отец Хэ навестил его.

Хэ Жофэн сидел за стеклом, вид у него был изможденный, лицо пожелтело, он стал похож на наркомана.

Не дожидаясь, пока отец Хэ сядет, он разрыдался и застучал по стеклу:

— Дядя, нет... папа, ты что, больше не поможешь мне? Почему я до сих пор здесь? Когда ты забереешь меня отсюда?

Отец Хэ смущенно смотрел на него:

— Если бы ты совершил преступление против кого-то другого, я бы давно тебя вытащил. Но как ты мог быть таким глупым, чтобы устроить поджог у Фэн Бэя? Ты что, жить не хочешь? Даже если у меня есть связи, разве я могу тягаться с ним?

— Я не хотел его сжигать... Я просто перепутал... — Хэ Гуанъюнь вытирал слезы, сердце его бешено колотилось. Теперь, когда даже отец Хэ занял такую позицию, стало ясно, что на освобождение под залог надежды нет. Что же ему делать?

— Перепутал? Что ты имеешь в виду? — отец Хэ нахмурился, глядя на своего никчемного внебрачного сына. — Мне все это кажется очень подозрительным. Разве ты не любил Фэн Бэя? Разве не говорил, что хочешь заполучить его? Даже если любовь превратилась в ненависть, ты бы не стал делать ничего подобного.

Вот почему, когда он услышал, что Хэ Жофэн в беде, первой его мыслью было, что произошла ошибка. Хэ Жофэн не стал бы вредить Фэн Бэю, это точно была ошибка.

Но позже, когда адвокат посоветовал Хэ Жофэну рассказать правду, чтобы облегчить защиту, тот признался — это действительно был он!

Отец Хэ был в ярости, но ничего не мог поделать с этим сыном.

Первоочередной задачей было вытащить его оттуда.

— Я... — Хэ Жофэн открыл рот и снова закрыл его. Он знал, что ни в коем случае не может сказать отцу правду. Хотя отец Хэ всегда был к нему благосклонен, если бы он узнал, что целью был Хэ Гуанъюнь, он никогда бы ему не простил! А если даже отец откажется помогать, шансов выйти не будет вовсе!

— Скажи мне честно, ты... — отец Хэ нахмурился, догадываясь о чем-то, но не смея в это поверить.

Он был многим обязан Хэ Жофэну. Когда он привел его домой в детстве, он всегда хорошо к нему относился. Позже Хэ Жофэн и Хэ Гуанъюнь постоянно ссорились. Он думал, что это просто детская ревность: у Гуанъюня с рождения было все, а у Жофэна — ничего, поэтому он, естественно, защищал Жофэна.

Он не то чтобы не видел ненависти в глазах Хэ Жофэна по отношению к Хэ Гуанъюню. Он просто делал вид, что не замечает.

Но неужели эта ненависть могла заставить его совершить такое ужасное преступление — убить собственного брата?

— Папа, ты что, подозреваешь меня в чем-то? — у Хэ Жофэна выступил пот на лбу, он не смел смотреть отцу в глаза и всхлипнул: — Я правда не могу здесь больше находиться. Если суд вынесет приговор, мне придется сесть в тюрьму. Неужели тебе меня не жалко? Я ведь еще такой молодой, вся жизнь под откос... Я...

Но отец Хэ, видя, как Хэ Жофэн переводит тему и избегает ответов, почувствовал, как сердце уходит в пятки. Он вспомнил встречу с Хэ Гуанъюнем, когда тот сказал, что если бы пожарные приехали позже, он бы уже лежал в гробу. Тогда он решил, что тот бредит, но теперь...

Лицо отца Хэ резко изменилось.

Он вскочил, дрожа от ярости.

Хэ Жофэн, который в этот момент лил слезы, испугался, поднял голову и со слезами на глазах спросил:

— Папа, что случилось?

<http://bllate.org/book/18587/1790319>